



Экономика изолянтов

Последние два года обложенные санкциями Россия и Иран активно наращивают сотрудничество. Но только на словах. На деле мешают застарелые проблемы двух диктатур



Владимир Путин (слева) и президент Ирана Эбрахиму Раиси во время их встречи в Кремле в Москве, 7 декабря 2023 года. Фото: Сергей Бобылёв / Kremlin / EPA-EFE

13:24, 17 апреля 2024,

Руслан Сулейманов

журналист, востоковед, автор телеграм-канала о Ближнем Востоке

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



«Все мы являемся свидетелями исторического сближения двух наших стран — России и Ирана — на мировой арене», — торжественно **заявил** в декабре 2022 года глава Роскосмоса Юрий Борисов во время посещения Ирана. Тогда казалось, что отношения двух диктатур, ставших изгоями на Западе, будут развиваться стремительными темпами.

Еще в мае 2022 года Москва и Тегеран **договорились** перейти на максимально возможный уровень взаиморасчетов в национальных валютах и **планировали** соединить российскую платежную систему «Мир» и иранскую «Шетаб». А в июне 2022-го посол Ирана в Москве Казем Джалали даже **сообщил**, что Тегеран способен выполнять функцию транспортного хаба для импорта товаров из третьих стран в Россию, а также для экспорта российского зерна и подсолнечного масла.

В июле 2022 года Национальная иранская нефтяная компания (NIOC) и российский «Газпром» **подписали** меморандум о взаимопонимании на сумму около 40 миллиардов долларов. В сентябре 2022-го Российский экспортный центр **организовал** в Тегеране бизнес-миссию с участием более 80 российских компаний. А меньше чем через год, в мае 2023-го, банк ВТБ **стал** первым российским банком, открывшим представительство в Иране.

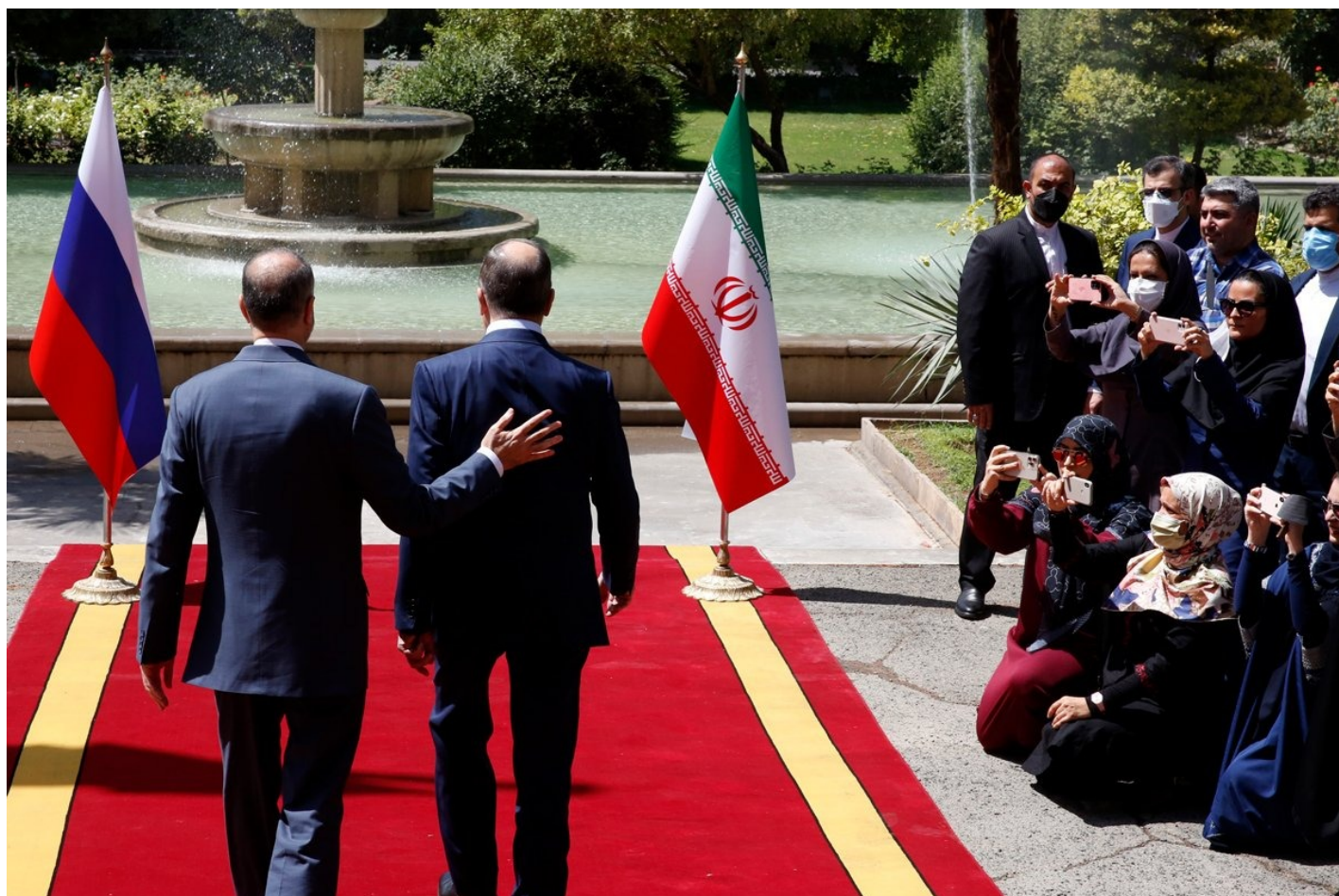
Сближение, произошедшее между Россией и Ираном в последние два года, действительно, выглядит беспрецедентным. Однако, несмотря на все эти шаги и громкие оптимистичные заявления с обеих сторон, реальность не так уж радужна. Например, результатом «исторического сближения» в космосе за прошедшее время стал запуск двух иранских спутников с российской территории: **одного** — с космодрома Байконур в августе 2022-го, **второго** — с космодрома Восточный в феврале нынешнего года.

В последние десятилетия эксперты склонны описывать отношения России и Ирана как «партнерство по расчету». И сейчас этот расчет, как кажется, касается не столько развития экономических связей и совместных программ, сколько военных поставок. Обе страны пользуются моментом, но не стремятся решать долгосрочные проблемы в отношениях.

В зависимости от США

Москва и Тегеран никогда не были важными друг для друга экономическими партнерами. Препятствиями являлись отсутствие общей сухопутной границы, исторические обиды, недоверие друг к другу и разница политических систем. Однако в периоды сильных разногласий одной или сразу обеих стран с США или обострения общей ситуации на Ближнем Востоке Москва и Тегеран демонстрировали готовность сотрудничать.

Одно из наиболее известных направлений такого российско-иранского сотрудничества в новейшей истории — мирный атом. В августе 1992 года два государства подписали соглашение о партнерстве в сфере мирного использования атомной энергии. Среди прочего российские специалисты возобновили строительство атомной электростанции (АЭС) в южном иранском портовом городе Бушер.



Министр иностранных дел Ирана Хосейн Амир-Абдулахиан (слева) и его российский коллега Сергей Лавров в Тегеране, Иран, 23 июня 2022 года. Фото: Abedin Taherkemareh / EPA-EFE

Возведение этого объекта специалистами из ФРГ началось еще в 1975 году, при прежнем шахском режиме, но было законсервировано после Исламской революции 1979 года, когда отношения Тегерана с Западом резко ухудшились. Благодаря российскому участию в 2011 году первый энергоблок АЭС «Бушер» был **подключен** к национальной энергосистеме Ирана. В настоящий момент **продолжается** строительство второго и третьего энергоблоков.

В то же время в 1995 году под давлением США Москва, нацеленная тогда на сближение с Западом, отказалась предоставлять Тегерану ядерные технологии, а после 2000 года — заключать с ним контракты на поставки вооружений.

Подписанное в июне 1995 года **соглашение** Гора — Черномырдина (называемое так по имени вице-президента США Альберта Гора и премьер-министра России Виктора Черномырдина) стало для иранской стороны указанием на то, что Москва при необходимости готова жертвовать своими договоренностями с Тегераном ради сохранения баланса с Вашингтоном.

Нестабильное партнерство

Товарооборот между Россией и Ираном, в свою очередь, во многом зависел от политической конъюнктуры. На протяжении всех 1990-х он был довольно скромным и **колебался** в пределах 400–500 млн долларов в год. При этом всегда наблюдался огромный дисбаланс в пользу России: до 80–90% в структуре двусторонней торговли составлял российский экспорт в Исламскую Республику.



ЗДЕСЬ БЫЛ МУЛЬТИМЕДИА ЭЛЕМЕНТ

Просмотреть элемент можно по ссылке:

ОТКРЫТЬ ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ МАТЕРИАЛА

Не забудьте включить VPN, если вы в России



Импульс развитию российско-иранских экономических отношений дал визит президента Исламской Республики Мохаммада Хатами в Россию в марте 2001 года. Это был первый

после революции визит в Москву одного из руководителей Исламской Республики. По итогам встречи был подписан **договор** об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между двумя странами. Но важнее, что визит скорее укрепил новый вектор российской политики с приходом к власти Владимира Путина: за несколько месяцев до этого Москва **вышла** из соглашения Гора — Черномырдина.

В нулевые двусторонняя торговля стала постепенно расти, **стабильно превышая** с 2003 года 1 млрд долларов. Иран **закупал** в России в основном сырье, в том числе железо и сталь, а также транспортные средства и пшеницу. Россия, главным образом, импортировала продукты — фрукты и орехи.

Но после начатой Дмитрием Медведевым перезагрузки отношений России с Западом объемы торговли между Москвой и Тегераном упали сразу на 65%, до 1,3 млрд долларов в год. В июне 2010 года Россия проголосовала за **резолюцию** Совета Безопасности ООН по введению санкций против Исламской Республики из-за ее несговорчивости по вопросу ядерной программы. Это в очередной раз указало Тегерану на готовность Москвы жертвовать российско-иранскими отношениями в пользу сохранения доверительных контактов с западным миром.

В июле 2010 года тогдашний президент Исламской Республики Махмуд Ахмадинежад даже **выразил** сожаление, что «президент Медведев стал рупором планов врагов Ирана».

Однако в январе 2016 года **вступил** в силу Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе, разработанный так называемой группой «5+1»:

США, Китаем, Великобританией, Францией и Россией как членами Совбеза ООН, а также присоединившейся к ним Германией. Документ подразумевал снятие с Тегерана западных санкций в обмен на его обещание ограничить мощности обогащения урана.

Вступление в силу СВПД усилило и российско-иранские экономические связи. В 2016 году товарооборот между двумя странами за год вырос сразу на 72%, достигнув 2,1 млрд долларов. Но в дальнейшем двусторонняя торговля снова пошла на спад: в 2017 товарооборот **упал** до 1,7 млрд долларов из-за опасений российского бизнеса по поводу возможного возвращения санкций против Тегерана. Опасения в итоге оправдались, когда в мае 2018 года тогдашний президент США Дональд Трамп **объявил** о выходе американцев из СВПД.

Всё это время — даже в период политического расцвета российско-иранских отношений — экономические вопросы были фоном для происходящего в международной повестке и так и не стали важным фактором, влияющим на то, какие решения Россия и Иран принимают относительно друг друга. Кроме того, объемы товарооборота между Тегераном и Москвой никогда не были сопоставимы, например, с объемом экономического сотрудничества между Москвой и Анкарой. В 2006 году объем **российско-иранской** торговли составил 2,1 млрд долларов, в то время как **российско-турецкой** — 21 млрд долларов, то есть в десять раз больше.



Министр иностранных дел Ирана Хосейн Амир-Абдулахиан (справа) и Сергей Лавров (слева) во время совместной пресс-конференции в Тегеране, Иран, 23 июня 2022 года. Фото: Abedin Taherkemareh / EPA-EFE

Поворот на Восток

— До 2022 года российский бизнес не сильно интересовался Ираном. Это направление воспринималось как потенциальная головная боль, прежде всего из-за отсутствия стабильно работающих международных платежных систем и угрозы санкций, — объясняет иранист, автор телеграм-канала «Дежурный по Ирану» Никита Смагин.

Помимо политической конъюнктуры, препятствиями для экономических отношений между Москвой и Тегераном всегда были трудности с валютными операциями, включая проблемы с конвертацией. В Иране помимо официального курса валюты, который никак не отражает реальности, существует черный валютный рынок, где стоимость доллара или евро обычно на 20–25% **выше** государственного.

В Иране одним из камней преткновения для развития

двусторонней торговли с Россией считают логистические проблемы, а именно отсутствие общей сухопутной границы. В этой связи нередко упоминается международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг», договоренность о котором была **достигнута** между Россией, Индией и Ираном еще в сентябре 2000 года. Но уже более двух десятилетий она остается лишь на бумаге.

— Несмотря на то что мы вместе имеем выход к одному [Каспийскому] морю, наша торговля в основном ведется через страны-посредники: Туркменистан, Азербайджан, Армению или Грузию, — объясняет иранский политолог Мохаммад Хан Талаби. — Это то, что всегда сильно сдерживало развитие наших экономических отношений.

Однако российское вторжение в Украину изменило ситуацию. Стремительная изоляция России от западных партнеров подвигла российский бизнес начать искать альтернативы на Востоке.

Российские предприниматели **стали** чаще навещать Иран — как минимум для того, чтобы изучить многолетний опыт жизни Исламской Республики под санкциями, как максимум — заключить сделки о поставках товаров и услуг из России в Иран или наоборот.

В результате с марта 2022 года по март 2023-го экспорт товаров из Ирана в Россию **увеличился** на 30%, а по итогам 2022 года российская сторона **стала** крупнейшим инвестором для Исламской Республики. Общий объем двусторонней торговли за год **увеличился** почти на 15% и составил рекордные 4,6 млрд долларов, что всё еще в разы меньше, чем торговый оборот

между Россией и Турцией, который в 2022 году достиг 62 млрд долларов.

— Наиболее принципиальное изменение — это рост иранского экспорта в Россию. Если российский экспорт в Иран остался на том же уровне и он по-прежнему примерно на 80% состоит из зерновых, то иранский экспорт растет, и во многом за счет товаров, которые уже не связаны с сельским хозяйством. Например, за счет стройматериалов, — отмечает Смагин.

Для привлечения иранских стройматериалов на российский рынок взамен покинувших его западных брендов Минстрой России и правда **провел** серию встреч с партнерами из Исламской Республики. По их результатам был сформирован **список** компаний, которые будут поставлять строительные материалы на российский рынок.



Беспилотный летательный аппарат иранского производства Shahed-136 демонстрируется под портретами убитых командиров КСИР на площади Свободы в Тегеране во время митинга в честь 45-й годовщины победы Исламской революции 1979 года, 11 февраля 2024 года. Фото: Morteza Nikoubazl / NurPhoto / Shutterstock / Vida Press

В мае прошлого года Москва и Тегеран также **заключили** соглашение о совместном строительстве 160-километрового участка дороги Решт — Астара между Азербайджаном и Ираном, который обеспечит сквозной проезд к портам Персидского залива в рамках транспортного коридора «Север — Юг», хотя завершение строительства ожидается только к 2028 году.

Помимо этого, в Исламской Республике возлагают большие надежды на подписанное в декабре прошлого года **соглашение** о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Ираном, которое, как ожидается, будет ратифицировано в ближайшее время. Данный документ, главным образом, направлен на упрощение систем тарифов и налогообложения при обмене товарами и услугами между Ираном и странами ЕАЭС, прежде всего — Россией.

Таким образом, вторжение России в Украину и изоляция Москвы на Западе привели к тому, что возросшие экономические связи между Ираном и Россией могли бы стать ценностью сами по себе, а не только побочным продуктом политики. Ключевую роль в этом развороте играют поставки вооружений.

Младший брат

До 24 февраля Тегеран, по сути, занимал роль младшего партнера в отношениях с Москвой и зависел от российских технологий. Однако война в Украине сделала Иран ключевым военным поставщиком России. И теперь уже российская сторона в определенной степени находится в зависимости от Исламской Республики.

К концу лета 2022 года стало известно, что Тегеран активно **поставляет** Москве беспилотники собственного производства Mohajer-6 и Shahed-136, которые та использует для налетов на

украинские города и объекты инфраструктуры. В начале нынешнего года **обнаружилось**, что иранская сторона разработала для России совершенно новый тип дрона — Shahed-101, который успел себя зарекомендовать на Ближнем Востоке: в конце января в результате **удара** такого беспилотника на границе Сирии с Иорданией погибли трое американских военнослужащих. А некоторые дроны по иранским образцам уже активно **собираются** на территории особой экономической зоны «Алабуга» в Татарстане.

Параллельно с этим в феврале нынешнего года агентство Reuters со ссылкой на источники **проинформировало** о том, что Иран поставил России порядка 400 баллистических ракет.

Иранское оружие прежде не было так востребовано, и у Тегерана никогда не было такой возможности протестировать собственную военную технику. Некоторые западные дипломаты **характеризуют** эту ситуацию как «беспрецедентный уровень военной и технической поддержки» для развития иранского военного потенциала. Оценить реальные масштабы военно-технического взаимодействия Москвы и Тегерана не представляется возможным. Ни одна из сторон не публикует эту информацию и не включает ее в статистику по двусторонней торговле. По разным **оценкам**, речь может идти о суммах от 200 млн до 2 млрд долларов.

Однако взамен закупленного в Иране нового оружия Россия не стремится поставлять Тегерану свои технологии. Одна из причин такого сдержанного поведения Москвы — опасения, что российское оружие Иран или связанные с ним террористические группировки будут использовать против

Израиля.

Пока что Кремль пытается сохранить с Тель-Авивом нормальные отношения.

В частности, до сих пор неизвестна судьба поставок многофункциональных истребителей Су-35 в Исламскую Республику, контракты по которым **были заключены** еще при прежнем иранском президенте Хасане Роухани. В марте 2023 года иранские власти снова **объявили** о приобретении у России партии Су-35, но уже в июне командующий ВВС Ирана бригадный генерал Хамид Вахеда **дал понять**, что истребители до сих пор не поступили. В ноябре того же года Тегеран еще раз **сообщил**, что на вооружение иранской армии начнет поступать российская авиатехника. Но оказались ли истребители Су-35 в итоге в Иране, неизвестно.

Пока среди технологий, которые точно получены Ираном от России, — два космических спутника. Формально они должны использоваться в гражданских целях, но в аккаунтах, связанных с Корпусом стражей исламской революции (элитные части Вооруженных сил Ирана), были **сообщения** о том, что это улучшит возможности Тегерана для наблюдения за потенциальными военными целями США и Израиля.

Небезусловная поддержка

Помимо неуверенности Москвы в том, как могут быть использованы Тегераном поставленные ему технологии, в отношениях двух стран есть и другие противоречия.

С одной стороны, непримиримая позиция и Москвы, и Тегерана по отношению к Западу стала идеологической основой для их беспрецедентного сближения. Так, 1 марта 2022 года верховный лидер Ирана Али Хаменеи **выразил** однозначную поддержку

действиям Кремля, указав на то, что Киев «стал жертвой кризиса, созданного США». Позднее он даже **скажет**, что «НАТО развязало бы войну с Россией, если бы та не начала военную операцию в Украине».

С другой стороны, Иран готов поддержать позицию России далеко не во всем. Например, в прошлом году главы российской дипмиссии в Тегеране два раза вызывались в МИД Исламской Республики из-за **позиции** Москвы по трем островам в Ормузском проливе, которые контролирует Иран, но принадлежность которых оспаривают Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ).

Очевидно, находя в Эмиратах более перспективного экономического партнера, чем Тегеран (в 2022 году товарооборот между Россией и ОАЭ **вырос** на 68% и достиг уже 9 млрд долларов, что почти в два раза больше, чем с Ираном), Москва вынуждена подписываться под декларациями на различных российско-арабских форумах, в которых среди прочего поднимается вопрос и о спорных островах в Ормузском проливе.

Параллельно с этим в иранском сегменте соцсетей периодически высказывается критика российских чиновников за то, что те недостаточно почтительно относятся к представителям Исламской Республики на разных мероприятиях. Например, большой гнев среди иранцев **вызвала** ситуация, когда в марте 2023 года министр иностранных дел Ирана Хосейн Амир Абдоллахиян, находясь в Москве, был вынужден ожидать в машине Сергея Лаврова.

Кроме того, несмотря на то что иранские официальные лица воздерживаются от подобных комментариев, на страницах местной иранской прессы нередко можно встретить прямые обвинения России в том, что она, например, сотрудничает с Израилем, чтобы вытеснить Иран из Сирии. Так, в

редакционной статье провластной газеты «Джомхури ислами» от 6 апреля **высказывалась** резкая критика Москвы в связи с гибелью семи иранских граждан, включая высокопоставленных генералов, в результате ракетного удара 1 апреля по консульству Исламской Республики в Дамаске.

«Задавались ли наши чиновники вопросом, почему Россия, владеющая небом Сирии, не предотвращает преступления сионистского режима против иранских сил с помощью своей передовой обороны? Почему подобные инциденты не происходят с российскими войсками, дислоцированными в Сирии?» — говорится в публикации.

Такие дипломатические споры и казусы не могут не сказываться на общем характере отношений Москвы и Тегерана. Хотя, по мнению ираниста Никиты Смагина, преувеличивать их влияние в текущей ситуации тоже не стоит:

— Такие скандалы принципиально на ситуацию не влияют. Есть базовое понимание того, что стороны нужны друг другу.

Особые торговые отношения

Учитывая предыдущий опыт, основанный в том числе на различных противоречиях и на недоверии друг к другу, и в Москве, и в Тегеране, очевидно, понимают, что надо просто использовать открывшееся сейчас окно возможностей для активной торговли, которое в любой момент может захлопнуться.

Судя по тому, что за прошедшие два года Россия и Иран так и не решили системные проблемы, связанные с логистикой и денежными переводами, экономические связи

между странами останутся крайне нестабильными.

— Главные проблемы связаны с тем, что, с одной стороны, Иран очень забюрократизированная страна, которая далека от стандартов международной торговли. С другой стороны, Россия пока что еще не настолько гибкая в выстраивании сложных схем с партнерами вроде Исламской Республики, — убежден Смагин.

Денежные переводы по-прежнему остаются затруднены и, более того, низкорентабельны на фоне постоянно падающего курса иранского риала по отношению к доллару: с 2018 года он упал в 13 раз. Из-за несовпадения официального и реального курса валюты, о чем упоминалось выше, российские предприниматели предпочитают ввозить в Иран деньги наличными или осуществлять необходимые транзакции через Турцию или ОАЭ. Всё это дополнительные барьеры и издержки.



Министр иностранных дел Ирана Хоссейн Амир-Абдулахиан и Сергей Лавров, 29 марта 2023 года. Фото: Юрий Кочетков / EPA-EFE

Так, по итогам 2023 года товарооборот между Россией и Ираном уже **снизился** по сравнению с предыдущим годом на 17% — до 4 млрд долларов. Одна из причин — уменьшение уровня поставок российской пшеницы на иранский рынок из-за высокой урожайности в самой Исламской Республике в минувшем году. Но есть и другие.

— Правила торговли пока что остаются непрозрачными, а способы обмена товарами и услугами сильно устарели и не соответствуют нынешней конъюнктуре. Помимо этого, иранский бизнес не очень гибок и адаптивен к меняющимся условиям среды, — объясняет сложившуюся ситуацию Али Омиди.

Но вероятнее всего, что просто ни у одной из стран нет желания всерьез что-то менять. Пока продолжается война в Украине, ключевым стимулом в сотрудничестве с Тегераном для Кремля по-прежнему будет являться приобретение вооружений,

начиная с пресловутых беспилотников. А Иран, в свою очередь, будет пытаться получать от России пусть и с трудом передаваемые военные и космические технологии. А для этого точно не требуется преодоления многочисленных бюрократических процедур, проблем с выстраиванием цепочек поставок или банковскими операциями.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:



[С «Орланами» в одном ряду «Шахиды»](#)

Россия закупила иранские БПЛА Shahed-136 и уже использует их в Украине. Разбираемся, что это за дроны и как они попали к Путину

16:39, 20 сентября 2022, Руслан Сулейманов



[Из тирании — к звездам](#)

Роскосмос активизировал сотрудничество с Ираном в сфере создания летательных аппаратов и пусков. Рассказываем, какая она — персидская космонавтика

17:47, 10 января 2023, Руслан Сулейманов



[Ваши слова больно иранят](#)

Москва умудрилась поругаться ещё и с Тегераном. Дошло до вызова российского посла, но продолжения пока не будет: режимы слишком похожи, чтобы обострять отношения

16:07, 21 июля 2023, Руслан